

Б.Б. Давыдов
**ВОЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ОЦЕНКАХ
ДЕКАБРИСТОВ**

В историографии движения декабристов проблеме «декабристы и военные поселения» посвящены многие страницы монографических исследований как дореволюционных историков (М.В. Довнар-Запольского, В.И. Семевского), так и советских (М.Н. Покровского, М.В. Нечкиной, Е.А. Прокофьева, В.А. Федорова), а также ряд специальных статей (Н.С. Захарова, Н.Я. Мирошникова, В.А. Ананьева). Следует отметить, что в большинство работ советских историков переходят положения, высказанные Довнар-Запольским и Семевским, о практически единодушном осуждении декабристами военных поселений и о надеждах, связанных с поселениями, в деятельности тайных обществ¹.

В этом ряду работ особняком стоит статья А.В. Предтеченского «Декабристы и военные поселения»².

Несмотря на то, что А.В. Предтеченский убедительно доказал различие во взглядах декабристов на существование военных поселений — зло для народных масс, выгодность или не выгодность для государства и др.³, по-прежнему современные исследователи пишут о резком осуждении всеми декабристами этой системы⁴.

Отношение членов тайных обществ, как и других современников, к военным поселениям необходимо рассматривать в зависимости от степени информированности того или иного декабриста, от знания поселенной системы изнутри или использования второстепенной информации и слухов. Так, декабрист Н.И. Тургенев в работе «Россия и русские» признавал: «...общество очень смутно знало то, что творилось в разных местах государства, где устраивались колонии»⁵. Другой декабрист, С.П. Трубецкой, в «Записках» пишет о выжидательной позиции части членов тайных обществ по отношению к поселениям⁶. «Более того, — считает А.В. Предтеченский, — члены тайного общества поначалу готовы были приветствовать ставшее позднее столь ненавистным нововведение»⁷.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что ненависть у части декабристов вызывалась не принципом поселения войск, а конкретными жестокими действиями лиц, занимавшихся созданием поселений, в частности, А.А. Аракчеева. На следствии об этом говорили Н.А. Бестужев и

К.Ф. Рылеев⁸. О влиянии на формирование отрицательного отношения к поселениям крестьянских и казацких волнений в Новгородской губернии в 1817 г. и в Чугуеве в 1819 г. и о жестокости их подавления писали в своих воспоминаниях декабристы С.П. Трубецкой, В.С. Толстой, А.В. Муравьев⁹.

Отношение декабристов к поселениям представляется возможным проследить во многом по материалам следствия, а также по письмам и запискам, направленным в ходе следствия в адрес императора Николая I и других высокопоставленных особ. Таковы письма барона Н.И. Штейнгеля Николаю I, или А.В. Булатова на имя великого князя Михаила Павловича. А.М. Булатов считал поселения вредными для народа и заведенными не для его блага «...а для тщеславия самого графа (А.А. Аракчеева — Б.Д.) и для собственной его пользы»¹⁰. Н.И. Штейнгель также указывал на насильственность введения поселений, что, по его мнению, вызывало недовольство современников, и предлагал сократить срок солдатской службы до 12 или даже до 8 лет¹¹. Но, в то же время, он подчеркивал: военное поселение «... на границе может быть действительно оплотом, но внутри государства другие следствия возможны»¹². Т.о., если А.М. Булатов видел в качестве основного виновника создания поселений А.А. Аракчеева, т.е. его подход в достаточной мере субъективен, то у Н.И. Штейнгеля другая точка зрения: по его мнению, порок не в одном человеке, а в неправильных методах организации военных поселений.

На следствии, а ранее в агитационных песнях, их авторы Н.А. Бестужев и К.Ф. Рылеев, подобно А.М. Булатову, говорили и писали о ненависти к Аракчееву, возлагая на него всю вину за жестокий режим, действующий, как они считали, в поселениях¹³. Но не все декабристы относились к А.А. Аракчееву отрицательно. Так, например, Г.С. Батеньков, прослуживший почти 3 года у Аракчеева сначала чиновником по «особым поручениям», а затем членом Совета Главного над военными поселениями начальника, положительно оценивал деятельность и А.А. Аракчеева, и саму систему военных поселений¹⁴. Можно признать весьма убедительной аргументацию А.В. Предтеченского, писавшего о Г.С. Батенькове как о единственном из декабристов, давшим развернутую положительную характеристику и Аракчееву, и поселениям. Как отмечает Предтеченский, «К свидетельствам Батенькова... должно отнестись с большим вниманием, чем к оценкам и характеристикам, основанным не на непосредственных впечатлениях, а заимствованным из третьих рук»¹⁵. Г.С. Батеньков в письме от 11 мая 1825 г. к жене своего друга А.А. Елагина, А.П. Елагиной, из Грузино (имения А.А. Аракчеева), писал о поселениях: «Без сомнения, трудно было победить первые навыки, но теперь здешнему поселянину и помыслить

страшно обратиться в старый быт». Он отмечал, что в поселении «... нигде нет ни изнуренных, ни нищих»¹⁶. Отзыв его мог быть вполне искренним, т.к. письмо это было личным и не предназначалось для посторонних глаз. По сравнению с мнением А.А. Брегмана — составителя 1-го тома сочинений и писем Г.С. Батенькова (серия «Полярная звезда»), считающего, что: «Отзыв о военных поселениях не объективен. Поселения здесь явно приукрашены»¹⁷, более аргументирована точка зрения Предтеченского: «Объяснить этот восторженный отзыв опасениями перлюстрации вряд ли возможно: если бы Батеньков держался отрицательного мнения о военных поселениях, ему проще было о них молчать или отделаться какими-либо незначашими фразами»¹⁸. На следствии позицию Батенькова подтвердил Н.А. Бестужев. По его сообщению членам Следственного комитета, Батеньков говорил ему, «... что до сих пор они (поселения — *Б.Д.*) не принесли государству никакой пользы, но что он надеется о оной впредь»¹⁹.

В то же время, как утверждают некоторые отечественные исследователи, недовольство крестьян введением поселений и бедственное положение поселян позволили Г.С. Батенькову сделать вывод: «революция близка и неизбежна»²⁰, что не находит подтверждения при комплексном изучении источников о деятельности Г.С. Батенькова. Эти слова, произнесенные им в споре с Рылеевым и Бестужевым, можно расценивать, исходя из его показаний на следствии, как выражение несогласия с конкретными методами и способами, которыми осуществлялась организация поселений. Следует также согласиться с мнением А.В. Предтеченского о том, что Г.С. Батеньков считал виновником беспорядков в поселениях²¹ не А.А. Аракчеева (Батеньков сравнивает Аракчеева и М.М. Сперанского и не противопоставляет их, как это делали многие современники, а соединяет, видя в их действиях много общего), а императора Александра I, требовавшего ускоренного устройства поселений и, следовательно, полагал Батеньков, Аракчеев не является «порождением Александровского деспотизма»²². «Напротив, — подчеркивает А.В. Предтеченский, — Батеньков считал, что он (Аракчеев — *Б.Д.*) сдерживал необузданное всевластие императора и сыграл положительную роль в истории России. В политической жизни страны, по мнению Батенькова, его значение одинаково со значением Сперанского»²³.

В ответах на вопросы членов Следственного комитета 26 января 1826 г. Г.С. Батеньков замечал: он, как чиновник, занимавший одно из первых мест в поселениях, о них «... вообще говорил весьма мало и осторожно, даже с людьми истинно мне близкими»²⁴. Значит, информация, которая имела у декабристов о поселениях, была получена не от Батенькова. Некоторые из подследственных декабристов прямо указывали на то, что их мнения о поселениях строились, в основном, на слухах (поручик И.Б. Аврамов)²⁵.

Другие, как С.Г. Волконский, составили впечатление «... на собственных размышлениях..., извлеченных из моих понятий о военных поселениях»²⁶. По воспоминаниям С.П. Трубецкого, члены тайного общества долго собирали сведения о военных поселениях, стараясь выяснить все подробности, относящиеся к ним²⁷.

Кроме Г.С. Батенькова, в военных поселениях служил декабрист В.Н. Лихарев, а имение В.Л. Давыдова Каменка находилось на границе с поселениями. В ходе следствия выяснилось, что именно информация, представленная В.Н. Лихаревым, служила одним из основных источников получения сведений о поселениях для членов Южного общества. Лихарев по поручению П.И. Пестеля составил еще в 1823 г. специальную записку «Взгляд на военные поселения». Во «Взгляде...», показывал на допросе Лихарев, он во введении изложил свои мысли о Священном Союзе, «... потом говорил об уродливом постановлении военных поселений, изобретенных графом Аракчеевым... Представил угнетенное и бедственное положение военных поселян» и «... говорил, что большая часть военных поселян от несчастного состояния... легко могут покуситься на какие-нибудь крайности»²⁸.

Зададимся однако вопросом: была ли информация о поселениях, изложенная во «Взгляде», полностью достоверной и объективной?

Из формулярного списка В.Н. Лихарева видно, что он, проходя службу в конно-егерской дивизии генерал-лейтенанта графа П.П. Палена, был временно командирован в 1812 г. на «... съемку земель военного поселения Бугской и Украинской уланских дивизий»²⁹. Следовательно, он не мог глубоко знать поселенную систему, а писал эту записку, по его же признанию на следствии, «... без твердого основания и точных сведений»³⁰. Лихарев свидетельствовал: «...еще три года тому назад (т.е. в 1822 г. — Б.Д.) заметил я решительное неудовольствие в угнетенных поселениях и большую готовность к возмущению»³¹. Но здесь же он отмечал, что «Ныне сего незаметно, ибо злоупотребления прекращаются и селения, в коих я сделал свои наблюдения, отмщены отдачей под суд их начальников за лихоимство и неправильное угнетение»³².

Т.о., можно сделать вывод: довольно противоречивые высказывания В.Н. Лихарева не должны расцениваться только как попытка запутать следствие или оправдаться. Скорее, действительно, взгляды Лихарева на поселения изменялись и не были позднее такими критическими, какими являлись вначале.

В связи с этим представляют значительный интерес показания В.Л. Давыдова — руководителя Каменской управы Южного общества, который свидетельствовал следующее: «... полковник Пестель поручил

мне просить его (Лихарева — Б.Д.) написать что-нибудь о военных поселениях по сведениям, которых, служа в оных, он иметь должен»³³. Пестель, в свою очередь, уверял следствие, что он этой записки не видел, и «... вообще она не была закончена»³⁴. Давыдов же полагал, что сочинение Лихарева, состоявшее из нескольких маленьких листков, «... ничего ни важного, ни обстоятельного не содержало»³⁵.

Но если ни Лихарев, ни Давыдов не давали Пестелю подобной информации, то возникает вопрос об источниках параграфа «Русской правды», посвященного военным поселениям. Известно, что в «Русской правде» Пестель обосновывал необходимость ликвидации поселений несколькими причинами. Во-первых, экономического характера — затраты на их устройство не покрывают самообеспечения поселений, на которое рассчитывает правительство. Во-вторых, один из основных доводов, приводимых в пользу поселений, — уничтожение рекрутской повинности и оседлость солдат, нахождение их в кругу семьи, Пестель считал ошибочным, ибо поселения могут комплектовать войско только в мирное время, а в военное не смогут пополнить убыль. И, главное, полагал он, оседлость, т.е. беспрестанное нахождение солдата в кругу семьи, изнежит войско. Еще два обстоятельства выделены Пестелем: первое — боязнь превращения поселян в замкнутую касту, второе — поселения грозят гибелью государству, т.к. если будут единственной вооруженной силой в стране, то смогут разделить ее между собой³⁶.

Отметим, что взгляды Пестеля в данном вопросе сходны с мнением И.Д. Якушкина и С.П. Трубецкого, также видевших возможность превращения поселений в замкнутую касту³⁷. Но С.П. Трубецкой видел и положительное в поселениях, считая, что поселение армии «... усилит ее, образует хорошо обученных солдат, приучит их с малолетства к несению воинской службы... и уничтожит рекрутские наборы»³⁸. Т.е. взгляды С.П. Трубецкого по ряду вопросов оценки поселений прямо противоположны взглядам Пестеля. В то же время и Трубецкой, и Пестель сходились на необходимости ликвидации поселений после совершения революционного переворота³⁹. И Пестель, и Трубецкой знали основные принципы поселения войск (вспомним, что Трубецкой говорил о сборе членами тайного общества некоторых данных о поселениях в начале их существования), но ни тот, ни другой не могли следить за ходом развития и функционирования поселенной системы и иметь о ней широкую и объективную информацию в связи с ее закрытостью. Вследствие этого на вольнодумство Пестеля повлияло, по его признанию на следствии, «... слышанное о военных поселениях»⁴⁰. Что же касается вопроса о ликвидации поселений, то такой программный документ, каким

являлась «Русская правда», естественно, не мог обойти стороной такое крупное явление русской действительности, каким были военные поселения.

По нашему мнению, П.И. Пестель руководствовался не знанием фактического состояния дел в поселениях — их экономического положения и степени боевой подготовки, а делал упор на моральные факторы (дух армии и пр.). Но принципы, заложенные в основу поселений, не противоречили этим факторам, и они учитывались в боевой подготовке поселенных войск.

Важно отметить и второй момент: ликвидация поселений у Пестеля, как и в «Конституции» Н.М. Муравьева (хотя Муравьев уделил им гораздо меньше места, нежели Пестель), может рассматриваться в контексте мер по уничтожению системы государственного феодализма, частью которого они являлись. Заметим, что в этом же русле шли рассуждения Г.С. Батенькова, предлагавшего превратить поселения в случае успешного исхода восстания в народную гвардию⁴¹.

В ходе следствия по делу декабристов у проводивших его неоднократно возникал вопрос о степени распространения идей и влияния тайных обществ в поселенных войсках и наличии сочувствующих здесь революционному движению, равно как и вопрос, на чем основывался расчет склонить поселения в пользу восставших. В первую очередь это относилось к декабристам, непосредственно в той или иной степени соприкасавшимся с поселениями, — Г.С. Батенькову и В.Н. Лихареву. Кроме них П.В. Аврамов и А.Ф. Фурман некоторое время служили в Новгородских поселениях, а декабрист И.А. Долгоруков — адъютантом у А.А. Аракчеева⁴². Анализ следственных дел названных декабристов показал, что ни Аврамова, ни Фурмана вообще не спрашивали о службе в поселениях. А И.А. Долгоруков в письме на имя великого князя Михаила Павловича от 3 февраля 1826 г. оправдывался, отмечая, что он никогда, будучи членом тайного общества, не употребил «во зло поручения правительства», т.е. не давал сведения о поселениях⁴³. Тем не менее, декабрист И.Д. Якушкин свидетельствовал: И.А. Долгоруков «... был полезен тайному обществу...»⁴⁴, имея в виду, что он якобы сообщал декабристам о секретных распоряжениях правительства. Встает вопрос: чье же утверждение верно и вводил ли Долгоруков следствие в заблуждение?

А.В. Предтеченский, анализируя позицию И.А. Долгорукова, приходит к выводу о том, что тот писал правду. Предтеченский приводит такие веские доводы: «Если бы его письмо заключало ложь, разоблечь ее не составило бы труда. Для этого нужно было бы задать некоторым декабристам вопрос о поведении Долгорукова, и все стало бы ясно...», а «... если бы он осведомил своих товарищей о секретных мероприятиях правительства...», то ему следовало опасаться, что «... кто-нибудь его выдаст, и тогда завере-

ния в письме к Михаилу Павловичу еще более отяготили бы его вину»⁴⁵. Письмо Долгорукова опровергает правильность сведений, сообщенных Якушкиным. Таков вывод, сделанный Предтеченским, с которым можно вполне согласиться.

Ирландский историк П. О' Мара, в своей монографии о жизни и творчестве поэта-декабриста К.Ф. Рыльева обратил внимание на случайное замечание в его показаниях, вызвавшее особый интерес членов Следственного комитета, «... согласно которому в случае, если бы переворот не удался, восставшим следовало бы отступить в Новгородское военное поселение»⁴⁶. По словам Рыльева, от Г.С. Батенькова он слышал: «Новгородские поселения, особенно Старорусские, сильно негодуют и готовы возмутиться при первом случае»⁴⁷. В свою очередь Г.С. Батеньков, признавшись в том, что он действительно несколько раз разговаривал с К.Ф. Рылевым и Н.А. Бестужевым по поводу поселений, на допросах отрицал, что поселения были «... в худом расположении к правительству...»⁴⁸, а в отношении Старорусских поселений, по словам Батенькова, в них неудовольствия «... в существе быть не может»⁴⁹.

Замечания Батенькова, на наш взгляд, справедливы: во-первых, он достаточно хорошо знал основные моменты организации и жизни Новгородских поселений, и, во-вторых, округа поселений в Старорусском уезде начали создаваться лишь с февраля 1824 г.⁵⁰ и поэтому сроки для того, чтобы сделать выводы о какой-либо серьезной оппозиции со стороны поселян, не были достаточно значительными. Батеньков признает, что в споре с Рылевым он утверждал: «Поселения служить будут точкою опоры, когда недовольные выйдут на Пулкову гору»⁵¹, но здесь же объясняет причину своего замечания остротой спора⁵². Защищаясь, Батеньков снимал с себя подозрения в передаче сведений о поселениях другим членам тайного общества. Он резонно спрашивал: «Не лучше ли было... членам тайного общества... узнать от меня объем поселений, степень настоящего их образования, карты и проч.?» Но «ни слова о статистических сведениях, ни слова о множестве отраслей управления» не было сообщено им декабристам. Наконец, один из главных аргументов Батенькова, приводимых им в свою пользу состоял в том, что «...ни один из членов тайного общества», сколько бы они ни говорили о пользе поселений для планов общества, «... не в силах будет дать ответ ни на один существенный вопрос относительно их цели по военным поселениям»⁵³. И если К.Ф. Рылеев признавал, что в разговорах с Батеньковым он выражал некоторую надежду на поддержку восстания в поселениях, то предположение о наличии в них членов тайного общества он отверг и подтвердил слова Батенькова об отсутствии у него какой-либо информации о положении в Новгородских поселени-

ях⁵⁴. Поселения «... может быть захотят употребить в свою пользу сей случай (восстание — *Б.Д.*) к перемене своего состояния», — высказывал предположение другой декабрист — Н.А. Бестужев. Его предположение, впрочем, как и Рылеева, по собственному признанию, основывалось на носившихся «... в публике слухах»⁵⁵.

Следовательно, дальше разговоров о надежде на поддержку восстания новгородскими поселянами члены Северного общества не шли, и в связи с ограничением доступа в поселения, а с 1824 г. запрещением их посещения без «Высочайшего позволения», серьезная информация о них у декабристов отсутствовала, и они, соответственно, не могли предпринять какие-либо конкретные действия по привлечению поселян на сторону восставших.

Несколько иначе сложилась ситуация на юге. Многим из декабристов — членов Южного общества, на следствии задавался вопрос о планах общества, касающихся южных поселений.

Советский исследователь Н.С. Захаров в статье, посвященной деятельности Южного общества в военных поселениях, выделяет два момента этой деятельности: первый — Каменская управа общества поставила себе задачу: «Завязать близкое знакомство с офицерами, служившими в поселениях, найти среди них политических единомышленников и стремиться вовлечь в состав тайного общества»; а второй — определить на службу в поселения членов тайного общества с тем, чтобы они могли развернуть активную работу в желательном для общества направлении»⁵⁶.

П.И. Пестель хотел поступить на службу в южные поселения еще в 1819 г., когда начальник этих поселений генерал-лейтенант И.О. Витт предлагал ему место начальника штаба⁵⁷. Его стремление можно рассматривать как попытку попасть на службу в поселения с целью использовать их в планах тайного общества. С другой стороны, отец П.И. Пестеля, Иван Борисович Пестель, в письме к сыну не советовал переходить на службу к И.О. Витту, который «...и сам еще не оперился»⁵⁸. Во всяком случае П.И. Пестель остался служить при штабе командующего 2-й армией П.Х. Витгенштейна, а затем стал командиром Вятского пехотного полка⁵⁹.

На следствии часть декабристов (А.П. Барятинский, В.П. Ивашев и др.) на вопросы о степени распространения идей тайных обществ и принадлежности к ним проходивших службу в поселениях, дали однозначно отрицательные ответы — они ничего об этом не знали⁶⁰. Другие подследственные (А.С. Горожанский, И.Б. Абрамов, В.С. Толстой) показали, что слышали об этом от некоторых членов общества (Горожанский — от

П.Н. Свистунова, В.С. Толстой — от Ф.Ф. Вадковского; первый — о наличии «...в южном поселении секты», а второй — «...о принятии в нем в общество 40 человек»⁶¹). Ф.Ф. Вадковский, в свою очередь, на допросе признал показания В.С. Толстого «...справедливыми от строки до строки»⁶². Выяснилось, что он основывался на сказанном ему И.В. Шервудом, показывая, что кроме него «...мне никто ни в каких поселениях не знаком»⁶³. И.В. Шервуд, унтер-офицер 3-го Украинского уланского полка, оказался провокатором⁶⁴. Войдя в доверие к Ф.Ф. Вадковскому, состоявшему с 1822 г. членом тайного общества, по свидетельству его друзей — человеку пылкому и неопытному, Шервуд заинтересовал того своими якобы имеющимися большими связями в поселениях и по предложению Вадковского был принят в члены общества⁶⁵. При этом особый интерес был проявлен Вадковским к его сообщению о недовольстве поселян⁶⁶. Шервуд составил для того, чтобы получше убедить Вадковского, специально для него «отчет о своих действиях в поселениях в пользу тайного общества, а также написал специальную «Ведомость о состоянии умов в военных поселениях Херсонской и Екатеринославской губерний», в которой указал о принятии им в тайное общество в поселениях 40 человек и даже одного генерала. Но при этом Шервуд никогда не соглашался «назвать мне сих принятых, отзываясь тем, что обещал не открывать их имена...»⁶⁷, — свидетельствовал Ф.Ф. Вадковский. Много лет спустя И.В. Шервуд в своей «Исповеди» вспоминал, что в записке, составленной на имя Вадковского, было написано: «...почему имею большую надежду на возмущение в военном поселении, и, разумеется, старался описать положение поселения, основанное на истинных фактах, к несчастии которых тогда было довольно»⁶⁸. В результате провокационных действий, как справедливо считает В.А. Федоров, Шервуд сумел убедить Вадковского, «...что им уже создано отделение тайного общества в военных поселениях»⁶⁹. Ф.Ф. Вадковским после ареста было признано: «...слова, относящиеся к содействию поселенных войск, основаны единственно на сказанном...» Шервудом⁷⁰.

Следовательно, ни В.С. Толстой, ни Ф.Ф. Вадковский в связи с закрытостью поселенной системы не имели внутри ее никаких связей. Предположения же Вадковского, а вслед за ним и декабристов В.С. Толстого и Г.З. Чернышева⁷¹, чьи показания о наличии сторонников тайного общества в поселениях базировались на сказанном им Вадковским, т.е. на сведениях, которые тот получил от Шервуда, и значит, как установило следствие, не имели под собой реальной почвы.

Из показаний членам Следственного комитета декабристов И.В. и А.В. Поджио, С. Муравьева, а затем и П.И. Пестеля, выяснилось, что Пестель, назначив в конце 1824 г. руководителем Каменской управы

Южного общества В.Л. Давыдова, поручил ему «действовать на военные поселения»⁷². Выше говорилось о В.Н. Лихареве, принятом В.Л. Давыдовым в тайное общество и написавшим записку о поселениях. Академик М.В. Нечкина видела в деятельности В.Н. Лихарева «...живую связь Южного общества с военными поселениями»⁷³. Но В.Н. Лихарев, по его собственному признанию, в поселениях никого не знал, и стремлением завязать там знакомство можно объяснить тот факт, что он свел с В.Л. Давыдовым А.К. Бошняка, принятого в тайное общество и, так же как и И.В. Шервуд, оказавшегося провокатором.

Эпизод, связанный с делом Бошняка, рассматривался многими исследователями, и дореволюционными, и советскими⁷⁴. Тем не менее, коротко следует сказать, что А.К. Бошняк, помещик Елисаветградского уезда Херсонской губернии, был агентом генерала И.О. Витта, которому Александр I дал личное поручение следить за политическими настроениями на юге Российской империи. Бошняк, войдя в доверие к В.Н. Лихареву, через него познакомился с В.Л. Давыдовым в его имении Каменка. Он уверял и Лихарева, и Давыдова, что Витт сочувствует свободомыслию декабристов, готов сам вступить в тайное общество и предоставить в его распоряжение поселенные войска. Бошняк также заявил о том, что он уполномочен Виттом вести об этом переговоры⁷⁵. О вступлении Бошняка в общество и предложениях Витта Давыдов информировал членов управы, а также П.И. Пестеля. Предложения Витта обсуждались руководством Южного общества и были единодушно отвергнуты. Как отмечал В.А. Федоров, видя провокационность этих намерений, «...особенно горячо восстал против предложений Витта А.П. Юшневский...»⁷⁶ — один из руководителей Южного общества. Здесь следует обратить внимание на другой момент. И.О. Витт, чтобы, по словам, Бошняка, узнать, «нет ли у них (членов тайного общества — Б.Д.) каких-либо связей в военном поселении и умножить число агентов, которым можно было бы вверить надзор за ними...», предложил Давыдову и Лихареву заняться испытанием «назначенных людей» — полковников Меркле, Станковича и Шварца⁷⁷. Давыдову и Лихареву Бошняк объяснил это следующими причинами: ни И.О. Витт, ни он не могут действовать среди поселенных войск, а в корпусе «...никаких еще не предпринято мер для приготовления умов»⁷⁸. Но и Давыдов, и Лихарев, как писал в своей записке-показаниях Бошняк, «...неизвестно почему, решительно отказались»⁷⁹. Объяснением их воздержания от действий в поселениях может служить, по мнению некоторых исследователей, разгадка провокационных намерений и действий А.К. Бошняка и И.О. Витта.

Однако существует и другое объяснение пассивности в действиях членов Южного общества в поселениях. Изучая развитие и функционирование системы военных поселений кавалерии в Херсонской губернии, современный исследователь Т.Н. Кандаурова увидела одну из причин отказа от активных действий в поселениях руководителя Каменской управы Южного общества В.Л. Давыдова и непринятия новых членов в общество из числа поселенных офицеров в том, что при знакомстве с системой организации этих войск и хозяйственным положением поселян Давыдову⁸⁰ стало очевидным «...противоречие между стремлениями членов тайных обществ и реальным положением вещей»⁸¹. Поднять поселян на восстание могли только чрезвычайные условия, в виде, например, ущемления экономических прав. Между тем Т.Н. Кандаурова в своем диссертационном исследовании убедительно доказала: экономическое положение поселений на юге России, благодаря рациональному подходу к их хозяйственной организации, в рассматриваемый период было достаточно стабильным и не давало повода для социального протеста поселян⁸².

Т.о., кроме провокации И.О. Витта и А.К. Бошняка, на непринятие реальных мер по вовлечению военных поселений сферу деятельности тайного общества повлияло отсутствие какой-либо опоры в поселенных войсках.

Примечательно, что члены Следственного комитета в выводах по делу декабристов в качестве обстоятельства, «принадлежащего к ослаблению силы вины» Давыдова, отметили следующее: «...в конце 1824 г., имея поручение от Пестеля действовать на поселение, не делал никакого распоряжения»⁸³. Следовательно, Следственный комитет, имевший значительный интерес к выяснению каких бы то ни было обстоятельств, связанных с деятельностью В.Л. Давыдова и ряда других членов тайного общества в поселениях, пришел к заключению об отсутствии таковых действий с их стороны.

Также следует отметить, что не все декабристы разделяли убеждение в необходимости привлечения поселений на свою сторону и не считали нужным каким-то образом вовлекать крестьян или поселян в антиправительственные действия. Так, один из руководителей общества, М. Бестужев-Рюмин, на следствии подчеркнул: «...военные поселения в планы действий не входили». Причиной тому, считал он, было «существующее в поселениях остервенение»⁸⁴. На ответ Бестужева-Рюмина сразу же последовало замечание члена Следственного комитета генерал-адъютанта А.И. Чернышева: не объяснит ли он, «...на чем именно основывало общество понятие свое о существующем остервенении в поселенных войсках»⁸⁵. М. Бестужев-Рюмин

так и не смог разъяснить обоснованность своих утверждений. Он, как и многие другие декабристы, пользовался информацией о поселениях не из первых рук, и его представления о них ассоциировались со слухами об ужасах при подавлении Чугуевского восстания и, соответственно, у него возникло предположение об озлоблении поселян, опасение крупного кровопролития. Трудность получения информации о происходивших в поселениях событиях не только порождали в декабристской среде разного рода слухи, но, вследствие этого, возникали предположения о возможности использования поселений для успеха переворота у одной части членов тайного общества, и отказ от этих попыток — у другой. Показателен в этом отношении и вывод Следственного комитета, обобщивший мнения подследственных декабристов в следующей формуле: «...веря слухам о неудовольствии в военных поселениях, они полагали, что легко могут возбудить их к действию»⁸⁶.

Но отсутствие в поселениях социальной опоры, наряду с провокационными действиями И.О. Витта, А.К. Бошняка и И.В. Шервуда, привело к свертыванию попыток использования этих войск в целях совершения революционного переворота.

Как на следствии, так и позднее, в мемуарах, по всей видимости, декабристы были искренни в оценках, даваемых ими поселениям. Чувство верности присяге и долгу побуждали большинство из них к правдивым показаниям. Другое дело, что в мемуарах они могли быть менее сдержанными в своих выводах о тех или иных решениях Александра I или Аракчеева, а также в описании событий, происходивших в поселениях, нежели на следствии. Некоторые из мемуаристов (С.П. Трубецкой, А.М. Муравьев, И.Д. Якушкин), также как и на следствии, осуждали жестокие меры Аракчеева по подавлению волнений в Новгородской губернии в 1817 г. и Чугуеве в 1819 г. при создании поселений. Эти декабристы исходили, в основном, из чувства сострадания к угнетенному народу, т.е., по замечанию А.В. Предтеченского, «...из мотивов субъективного порядка»⁸⁷. Вместе с тем, Д.И. Якушкин в «Записках» и Н.И. Тургенев в работе «Россия и русские» осуждали создание поселений, видя в них: первый — бессмыслицу, затеянную человеком, облеченным огромной властью, а второй — то, что поселян «...прикрепили к земле более ненавистным способом, чем помещичьих крестьян»⁸⁸. Т.е., и Якушкин, и Тургенев рассматривали поселения с точки зрения объективного зла, приносимого государству.

Прямо противоположной мнению Тургенева и Якушкина была позиция Г.С. Батенькова, который хотя и признавал, что «...поселения общим мнением не одобрялись...» и вводились «...мерами слишком крутыми...», видел в Аракчееве деятеля неумоимого, а «...под разва-

линами военных поселений...» — драму Петра I, «...поучительнее и резче всех шекспировских»⁸⁹. Смысл слов Батенькова, по оценке того же А.В. Предтеченского, заключается в следующем: в поселениях столько же положительных моментов, сколько их было в некоторых неудавшихся или не доведенных до конца реформах Петра I⁹⁰.

Т.о., отзывы декабристов, оставивших воспоминания, при оценке ими поселений, так же как и в показаниях на следствии, были разнообразными и не сводились к их однозначному осуждению.

В целом, оценив взгляды декабристов на военные поселения, можно прийти к следующим выводам:

Вопреки установившемуся во многих работах дореволюционных и советских историков мнению, у членов тайных обществ не было однозначного отрицательного отношения к военным поселениям.

Большинство декабристов не знало систему военных поселений изнутри в связи с ее закрытостью и пользовалось доходившей до них в основном второстепенной информацией. К тому же на отрицательное отношение к поселениям у части декабристов повлияли их выводы о конкретных действиях правительства по подавлению волнений крестьян и казаков в Новгородской губернии в 1817 г. и в Чугуеве в 1819 г. При этом, например, по выражению М.А. Цявловского, не было известно «...ни одного более или менее связного рассказа очевидцев о расправе Аракчеева с чугуевцами»⁹¹, и они, декабристы, во многом видели лишь, соответственно, естественную реакцию крестьян и казаков на перемену положения и социального статуса и недовольство отдельных групп поселян режимом, установленном в поселениях.

Обращает на себя внимание и тот факт, что некоторые из участников движения декабристов, имевших непосредственное отношение к поселениям, вообще ничего не говорили о них на следствии (Аврамов, Фурман). А Г.С. Батеньков как на следствии, так и позднее в воспоминаниях, достаточно положительно отзывался о принципе поселения войск, критикуя методы и темпы их создания и косвенно обвиняя в неустойчивости поселений Александра I.

Некоторые из декабристов (А.М. Булатов, отчасти С.П. Трубецкой и И.Д. Якушкин), основываясь на слухах или эмоциях, обвиняли Александра I и Аракчеева в попытке создать лично преданную тому или другому из них замкнутую вооруженную касту.

Отсутствие у большей части декабристов достоверной и проверенной информации о положении в поселениях и, одновременно, наличие в их распоряжении некоторых сведений о недовольстве отдельных категорий посе-

лян изменением статуса, давали им возможность надеяться на поддержку поселенных войск.

Но, как показал ход следствия по делу декабристов, несмотря на конкретное поручение руководства Южного общества В.Л. Давыдову «воздействовать на поселения», отсутствие в них какой-либо опоры, а у поселян — серьезных причин для участия в антиправительственных выступлениях (в сознании поселян жестокость властей ассоциировалась больше с именем Аракчеева; также сильна была монархическая идеология), не позволили дворянским революционерам использовать поселенные войска на юге и в Петербурге в своих целях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Довнар-Запольский М.В. Идеалы декабристов. М., 1907. С. 115 — 116. Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. — СПб, 1909. С. 167, 589.

² Предтеченский А.В. Декабристы и военные поселения // Ученые зап. Горьковского гос. ун-та: Сер. ист.-филологич. Вып. 72. Горький, 1964. С. 135—153.

³ Там же. С. 153.

⁴ См.: Апанъев В.А. Декабристы и военные поселения // ВИЖ. 1988. № 2. С. 90. Филоретова Л. М. Южное общество декабристов и военные поселения // Декабристские чтения: Мат-лы межвузовской научно-практ. конф., посв. 200-летию со дня рождения С.Г. Волконского и 1000-летию образования г. Василькова (14—16 дек. 1988 г.). Киев, 1989. Вып. 2. С. 119—122.

⁵ Тургенев Н.И. Россия и русские. 1907. Ч. 2. С. 235.

⁶ См.: Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. 1. С. 220.

⁷ Предтеченский А.В. Декабристы и военные поселения. С. 144.

⁸ Там же. С. 149.

⁹ Трубецкой С.П. Материалы... Т. 1. С. 220.; Толстой В.С. Воспоминания (К воспоминаниям декабриста Розена) // Декабристы. Новые материалы. М. 1955. С. 30.; Муравьев А.М. Записки. Пг., 1922. С. 12.

¹⁰ ВД. М., 1984. Т. 18. С. 305, 313.

¹¹ Декабристы. Отрывки из источников. М.; Л. 1926. С. 26.

¹² Там же.

¹³ Предтеченский А.В. Декабристы и военные поселения. С. 149.

¹⁴ Там же. С. 147.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Батеньков Г.С. Сочинения и письма. Иркутск, 1989. Т. 1. С. 196.

¹⁷ Там же. С. 450.

¹⁸ Предтеченский А.В. Декабристы и военные поселения. Т. 2. С. 138.

¹⁹ ВД. М., 1926. Т. 2. С. 77.

²⁰ См., напр.: Федоров В.А. Борьба крестьян России против военных поселений (1810 — 1818 гг.) // ВИ. 1952. № 11. С. 123. Гордин И.Я. Мятёж реформаторов: 14 декабря 1825 года. Л., 1989. С. 62.

²¹ Заметим, что Батеньков говорил только о Новгородских военных поселениях; в южных поселениях ситуация была иной (см.: ВД. М., 1976. Т. 14. С. 134 — 135).

²² Предтеченский А.В. Декабристы и военные поселения. С. 142.

²³ Там же.

²⁴ ВД. Т. 14. С. 49.

²⁵ Там же. М., 1975. Т. 13. С. 29.

²⁶ Там же. М., 1953. Т. 10. С. 118.

²⁷ См.: Трубецкой С.П. Материалы... Т. 1. С. 220.

²⁸ ВД. М., 1969. Т. 12. С. 95.

²⁹ Там же. С. 80.

³⁰ Там же. С. 96.

³¹ Там же. С. 90.

³² Там же.

³³ ВД. Т. 10. С. 213.

³⁴ Там же. М.;Л., 1927. Т. 4. С. 168.

³⁵ Там же. Т. 10. С. 213.

³⁶ См.: ВД. М., 1958. Т. 7. С. 162 — 164.

³⁷ См.: Якушкин И.Д. Записки, письма и статьи. М., 1951. С. 151. Трубецкой С.П. Материалы... Т. 1. С. 221.

³⁸ Трубецкой С.П. Т Материалы... 1. С. 221.

³⁹ См.: ВД. Т. 7. С. 164; Предтеченский А.В. Декабристы и военные поселения... С. 145.

⁴⁰ ВД. Т. 4. С. 90.

⁴¹ Там же. Т. 14. С. 100.

⁴² См.: Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 6, 65, 188.

⁴³ Предтеченский А.В. Декабристы и военные поселения. С. 143.

⁴⁴ Якушкин И.Д. Записки... С. 29 — 30.

⁴⁵ Предтеченский А.В. Декабристы и военные поселения... С. 143.

⁴⁶ О' Мара П. К.Ф. Рылеев: Политическая биография поэта. М., 1989. С. 260.

⁴⁷ ВД. Т. 14. С. 73.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 49.

⁵⁰ См.: Ячменихин К.М. Структура новгородских поселений и их управление в 1816 — 1831 годах // ИСССР. 1989. № 1. С. 94.

⁵¹ ВД. Т. 14. С. 84.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 50.

⁵⁴ О' Мара П. К.Ф. Рылеев... С. 260.

⁵⁵ ВД. Т. 2. С. 63.

⁵⁶ Захаров Н.С. К вопросу о деятельности Южного общества декабристов в военных поселениях // Ученые зап. Казанского гос. ун-та. Казань, 1962. Т. 122, № 2. С. 210 — 211.

⁵⁷ Там же. С. 211.

⁵⁸ *Круглый А.* Пестель П.И. по письмам его родителей // КА. 1926.

№ 3. С. 177.

⁵⁹ Декабристы: Биографический справочник. С. 141 — 142.

⁶⁰ См.: ВД. Т. 10. С. 61, 268; Т. 12. С. 258.

⁶¹ ВД. Т. 14. С. 348; М., 1979. Т. 15. С. 242.

⁶² Там же. М., 1954. Т. 11. С. 208.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Подробности биографии И.В. Шервуда см.: *Троцкий И.М.* III отделение при Николае I: Жизнь Шервуда-Верного. Л., 1990.

⁶⁵ См.: *Федоров А.В.* «Своей судьбой гордимся мы...»: Следствие и суд над декабристами. М., 1988. С. 25 — 26.

⁶⁶ Там же. С. 26.

⁶⁷ ВД. Т. 11. С. 208.

⁶⁸ Исповедь Шервуда-Верного / Публ. Н.К. Шильдера // ИВ. 1896. Т. 13, № 1—3. С. 82.

⁶⁹ *Федоров В.А.* «Своей судьбой гордимся мы...»... С. 35.

⁷⁰ ВД. Т. 11. С. 208.

⁷¹ Вадковский говорил им: поселения будут на стороне тайного общества. На следствии он откровенно признался: «...Ими (словами о содействии со стороны поселений. — Б.Д.) имел в виду подкрепить надежду Толстова и Чернышева и придать себе в их глазах несколько весу и значения по делам общества» (ВД. Т. 11. С. 208).

⁷² См.: ВД. Т. 10. С. 238 — 240, С. 245.

⁷³ *Нечкина М.В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. I. С. 102.

⁷⁴ См., напр.: *Захаров Н.С.* К вопросу... С. 213 — 215; *Федоров В.А.* «Своей судьбой гордимся мы...». С. 37 — 41.

⁷⁵ Деятельность А.К. Бошняка подробно изложена им самим в записке-показаниях «...О сношениях моих с некоторыми из заговорщиков», представленной в Следственный комитет 25 марта 1826 г. (см.: *Сыроечковский Б.Е.* Записки А.К. Бошняка // КА. 1925. № 2. С. 195 — 225).

⁷⁶ *Федоров В.А.* «Своей судьбой гордимся мы...»... С. 37.

⁷⁷ Там же. С. 38.

⁷⁸ *Сыроечковский Б.Е.* Записки А.К. Бошняка. С. 215.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же.

«Осуществляя поручение директории Южного общества, члены Каменской управы начали часто бывать у офицеров, служивших в поселениях», — пишет Н.С. Захаров. Из офицеров, служивших в поселениях, знакомство с Давыдовым и А. и П. Поджио подтвердили офицеры 3-го Украинского уланского поселенного полка братья Красносельские и корнет Т.В. Комар (*Захаров Н.С.* К вопросу... С. 211). Давыдов на вопрос членов Следственного комитета о причастности этих офицеров к тайному обществу, признал, что ему знакомы в полку: «...полковник Гревс, Вивьень...» и Комар. «Ни одному из них ничего не говорил, не внушал и даже не намекал, и знаю, что ни кем они приняты не были», — категорически заявил Давыдов (ВД. Т. 10. С.

201). Остается добавить, что офицеры, корнет Т.В. Комар и братья И.С., М.С. и Я.С. Красносельские, арестованные по подозрению в принадлежности к тайному обществу, были освобождены с оправдательными аттестатами в феврале 1826 г., а Тит Владиславович Комар дослужился в 1841 г. до должности начальника округа военных поселений в Меджибоже Подольской губернии (см.: Декабристы: Биографический справочник. С. 83— 84, 89 — 90).

⁸¹ Кандаурова Т.Н. Декабристы и южные военные поселения // Декабристские чтения: Мат-лы республ. научно-практич. конф., посв. 165-летию со дня восстания декабристов. Киев, 1990. Вып. 4. С. 140.

⁸² См.: Кандаурова Т.Н. Херсонские военные поселения 1817 — 1832 гг. (Административно-хозяйственная структура): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1990. С. 1 — 25.

⁸³ ВД. Т. 10. С. 249.

⁸⁴ ВД. М., 1950. Т. 9. С. 57.

⁸⁵ Там же. С. 79.

⁸⁶ ВД. М., 1980. Т. 17. С. 67.

⁸⁷ Предтеченский А.В. Декабристы и военные поселения. С. 153.

⁸⁸ Якушкин И.Д. Записки... С. 16. Тургенев Н.И. Россия и русские. Т. 2. С. 240.

⁸⁹ Батеньков Г.С. Данные. Повесть собственной жизни // Воспоминания и рассказы членов тайных обществ 1820-х годов. М., 1933. Т. 2. С. 110 — 111.

⁹⁰ Предтеченский А.В. Декабристы и военные поселения. С. 141.

⁹¹ Цяловский М.А. Эпиграмма Пушкина на Аракчеева // Литературный критик. 1940. № 7 — 8. С. 224.

С.Я. Бугаева

ОБРАЗОВАНИЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНЗ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ XIX в.

К началу XIX в. образование в российском обществе начало выполнять заметные функции в сферах социализации и социального регулирования. В первой половине XIX в. складывается системное законодательство, крепко «впаявшее» формационно чуждый институт образования в общественно-политический строй служебным правом. Косметически подновляемое, это законодательство сохранилось до 1917 г. При всей видимости внешне рациональной организации институт образования стал одним из социокультурных тупиков, где к началу XX в. накопились важнейшие противоречия общества.

Школа в системе внутренней политики царизма изучена в нашей историографии достаточно подробно. Внимание исследователей при-